

О МАЛЫХ ЖАНРАХ КРИТИЧЕСКОЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ А. С. ПУШКИНА

(«Отрывки из писем, мысли и замечания»)

В литературе о Пушкине малые формы прозы, в том числе «Отрывки из писем, мысли и замечания», которым посвящена данная статья, незаслуженно обойдены вниманием. Едва ли не единственным исключением являются работы В. Э. Вацура.¹ Ценные наблюдения над поэтикой пушкинской афористики и структурой пушкинских циклов малых форм прозы содержатся и в книге А. З. Лежнева «Проза Пушкина».² В новейшей статье С. Л. Мухиной «Пушкин и забытый жанр русской литературы («Мысли и замечания»)»³ настораживают терминологические неточности и отсутствие четких представлений о границах малых форм прозы. В частности, правомерно ли считать «Мысли и замечания» жанром? Вызывает недоумение и необоснованное преувеличение С. Л. Мухиной роли малых жанров в становлении художественной системы Пушкина-прозаика, стремление видеть в них едва ли не главный источник прозы Пушкина. Таким образом, вопрос о месте и роли малых форм прозы в творчестве Пушкина еще требует изучения и осмысления.

«Отрывки из писем, мысли и замечания» привлекают особое внимание как одно из немногих критико-публицистических произведений, напечатанных Пушкиным при жизни. Это

¹ См.: Вацура В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978, с. 127; Вацура В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1972, с. 32—40.

² Лежнев А. З. Проза Пушкина: Опыт стилистического исследования. М., 1966, с. 223—242.

³ Мухина С. Л. Пушкин и забытый жанр русской литературы: («Мысли и замечания»). — В кн.: Проблемы метода и жанра. Томск, 1983, вып. 9, с. 105—128.

обязывает рассматривать их как самостоятельное и полноценное произведение, появившееся отнюдь не случайно в творчестве Пушкина рубежа 1830-х годов, в период, когда стало отчетливо проявляться его стремление к «суровой прозе», документальности, фактической достоверности, когда все настойчивее ощущается потребность в критике и публицистике. Еще в 1824 году Пушкин отмечал: «ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует» (XI, 21). В конце 1820-х годов перед Пушкиным со всей серьезностью встала задача образования «русского метафизического языка», жанров и приемов литературной критики и полемики. Опубликованные в 1827 году в альманахе «Северные цветы» «Отрывки...» — один из первых опытов в этой области.

Что же привлекло Пушкина в малых жанрах прозы, которые избираются им для «Отрывков...»? Вероятно, его, стремившегося к «точности и краткости» прозы, требующей «мыслей и мыслей» (XI, 19), привлекала способность афористики выражать самую суть явлений, давать возможность читателю развивать и интерпретировать авторскую мысль дальше. Специфика «Отрывков...» в том, что составляющие их суждения не замыкаются в себе, а открываются во внешний современный автору мир. Если афористика Ларошфуко и Лабрюйера воспринимается сегодня почти так же, как и века назад, то смысл пушкинских мыслей и замечаний до конца раскрывается лишь в общем контексте современной им литературной и общественно-политической жизни. В. Э. Вацуро очень точно охарактеризовал «Отрывки...» как «сгусток литературной и гражданской жизни пушкинского времени, где «почти каждая фраза их имеет свою историю и предысторию».⁴ Большая часть текстов цикла — отражение мыслей и раздумий, не раз встречающихся в пушкинской критике и публицистике, набросках художественной прозы. Цикл вбирает в себя круг значительных тем и вопросов, волнующих Пушкина и его единомышленников в конце 1820-х годов. Часть их — продолжение старых литературных споров (полемика об эстетической ценности жанров, начатая В. К. Кюхельбекером в 1824 году). Другие, наоборот, — предварительные наброски мыслей, которые получат развитие в творчестве 1830-х годов.

⁴ Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины», с. 37.

Материал, объединенный в «Отрывках...», отличается своей пестротой. Чтобы выработать представление о них как о критико-публицистическом цикле, целесообразно дать примерную тематическую классификацию составляющих его текстов. В них можно выделить следующие тематические группы: самую большую, включающую в себя более трети текстов, — суждения на литературно-эстетические темы, затем, замечания общественно-политического характера; высказывания о женщинах; суждения о нравах и чертах характера.

Весьма плодотворной оказалась попытка рассмотреть тексты каждой тематической группы на фоне критики, публицистики и неоконченной художественной прозы рубежа 1830-х годов. При этом, во-первых, обнаружилось, что почти все тексты, кроме суждений о нравах и чертах характера, имеют продолжение в черновых набросках, опубликованных или незавершенных статьях и рецензиях, непосредственно связаны они и с неоконченной прозой 1830-х годов.

Во-вторых, рассмотрев тексты цикла более подробно, можно сделать вывод, что и между тематическими группами и внутри этих групп существуют незаметные на первый взгляд связи. Кажущаяся пестрота тем исчезает, они органично переходят друг в друга.

В-третьих, в этом цикле впервые формулируется ряд мыслей, которые приобретут актуальность в пушкинской полемике и публицистике 1830-х годов. В первую очередь, следует назвать тему исторической роли и современных судеб русского родового дворянства, самосознания и гражданского долга дворянина. С осмыслением и разносторонней интерпретацией этой темы связаны все высказывания общественно-политического характера, что придает текстам этой группы особую монолитность и единство.⁵

Во избежание голословности, приведем хотя бы немногие примеры. Так, в «Отрывках...» помещен фрагмент: «Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят батвинью и что дети их бегают в

⁵ К данной группе могут быть отнесены тексты: «Иностранцы, утверждающие, что...», «Гордиться славою своих предков...», «Некоторые люди не заботятся...», «Москва — девичья...», «Сказано: Les sociétés secrètes...». «Появление «Истории государства Российского»...».

красной рубашке» (XI, 56). Смысл этого суждения проясняется при соотнесении его с другими высказываниями о долге помещика-дворянина. По мысли Пушкина, старинное дворянство, превратившееся в род третьего сословия, ближе всего стоит к народу, от него зависит благополучие и просвещение крестьян — гарантия от «русского бунта — бессмысленного и беспощадного» (VIII, 383). Например, в одном из текстов «Опыта отражений некоторых нелитературных обвинений» (1830) содержится многозначительная фраза: «Подумай о том, что значит у нас сие дворянство вообще и в каком отношении находится оно к народу <. . .>. Нужно ли тебе еще объяснений?» (XI, 173). Пушкин хочет видеть в лице этого сословия людей «почтенных, трудолюбивых, просвещенных» (XI, 173). Объяснения роли дворянства даются и от лица героя «Романа в письмах» (1829). Владимир** пишет своему другу: «Звание помещика есть та же служба. Заниматься управленне<м> 3-х тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши <. . .>. Чем более имеем мы над ним<и> прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении» (VIII, 52—53). Здесь же, как и в «Отрывках...», Пушкин обращает внимание на нравственный и материальный упадок мелкопоместного дворянства и дает сатирическую характеристику современных Простаковых и Скотининых.

Меткий афоризм «М.<осква>—девичья, а П.<етербург> прихожая» (XI, 57)⁶ — расположен в цикле сразу же за фрагментом «Некоторые люди не заботятся...» и самым тесным образом с ним связан, развивая дальше мысль о судьбах родового дворянства. Этот афоризм, только в более широком, поясняющем его контексте, встречается и в «Романе в письмах»: «Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете» (VIII, 52). Противопоставление двух столиц — старой и новой — особенно ярко дано Пушкиным в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833—35). Здесь говорится о Москве как о столице независимого дво-

⁶ Как установлено В. Э. Вацуру, данный афоризм восходит к П. А. Вяземскому. См.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969, т. VI, с. 163—164.

рянства, издавна находившейся в оппозиции к Петербургу. «Некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое из всех провинций съезжалось в нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда ж из Петербурга < . . . >. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками...» (XI, 246). Как отмечено далее, «обеднение Москвы доказывает < . . . > обеднение русского дворянства, происшедшее *частию* от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою, *чистью* от других причин, о которых успеем еще потолковать» (XI, 247); «...балы, пиры, чудачки и проказники — всё исчезло; остались одне невесты...» (XI, 246). Присмирившая Москва остается лишь «девичьей». Но возвысившийся с ее падением холодный и надменный Петербург, олицетворяющий силу и блеск «новой аристократии», — не более чем «прихожая», где толпятся искатели «денег, славы и чинов» и делает карьеру новая знать. Глава «Москва» завершается следующим образом: «я отыскал в моих бумагах любопытное сравнение между обеими столицами. Оно написано одним из моих приятелей, великим меланхоликом, имеющим иногда свои светлые минуты веселости» (XI, 248).⁷ Не имеется ли в виду все тот же афоризм, впервые появившийся в «Отрывках...»? Л. П. Гроссман, анализируя использование анекдота в творчестве Пушкина, отметил прием «утаенного анекдота», когда анекдот дается в подтексте, намеком.⁸ Если наше предположение верно, то здесь мы встречаемся со своего рода «утаенным афоризмом».

Весьма показательны и связи неоконченной прозы и критики рубежа 1830-х годов с «Примерами невежливости» (высказывания о женщинах). Напомним завершающую их мысль: «Даже люди, выдающие себя за усерднейших почитателей прекрасного пола, не предполагают в женщинах ума равного нашему и, приноравливаясь к слабости их понятия, издают ученые книжки для дам, как будто для детей» (XI, 53). Тема «невежливости», снисхождения к женскому уму и

⁷ По мнению В. Э. Вацура, под «великим меланхоликом» Пушкин подразумевал себя самого, а не Н. В. Гоголя, как считалось долгое время. (См.: Вацуро В. Э. «Великий меланхолик» в «Путешествии из Москвы в Петербург». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии: 1974. Л., 1977, с. 43—63).

⁸ Гроссман Л. П. Этюды о Пушкине. М.; Пг., 1923, с. 45—46.

развитию трансформируется в вопрос о свободе творчества и народности литературы, вставший с особой остротой в полемике Пушкина с «новейшими блюстителями нравственности», ссылавшимися на вкусы «будуарных читательниц» (XI, 152).

Так, от имени героини «Романа в письмах» дана резкая отповедь приверженцам ханжеской морали и «благопристойности». «Я было заглянула в журналы< . . . >, но их плоскость и лакейство показались мне отвратительны — смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнрав<ственно>сти> и неблагопр<истойности> сочинения, которые прочли мы все, мы — Санктпетербургские недотроги!..» (VIII, 50). (Ср.: «Что скажут дамы! < . . . >» — В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сип с дамами! < . . . > А дамы наши (бог им судья!) их и не слушают и не читают, а читают этого грубого В. Скотта, который никак не умеет заменять просторечие просто-мыслием» («Опровержения на критики»; XI, 155). Сотрудничая в «Литературной газете», Пушкин полемизирует на ее страницах с самозванными «опекунами высшего общества», находящими поминутно «одно выражение *бурлацким*, другое *мужицким*, третье *неприличным для дамских ушей*» (XI, 152). См. также статьи 1830—1831 годов «О новейших блюстителях нравственности» (XI, 98—99), «Опровержения на критики» (XI, 152—157), «Письмо к издателю «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» (XI, 216).

Таким образом, мысль, высказанная в «Отрывках...», развиваясь затем в полемических статьях, приобретает более широкий общественно-литературный и эстетический смысл.⁹

Итак, замечание, мысль, афоризм намечают темы, ставят проблемы, которые развиваются, обогащаются новым опытом и новыми наблюдениями на протяжении всего дальнейшего творчества Пушкина.

Наблюдая над жанровой спецификой текстов цикла, можно заметить, что рамки традиционной афористики с ее способностью существовать вне связи с конкретным местом и временем и выражающей нечто неизменное и вечно пребывающее, эти рамки у Пушкина разрушаются, так как они для него тесны.

⁹ Отметим, что в черновой редакции «Примеры невежливости» имели окончание, еще теснее связывавшее их с проблемами современной литературы и критики. См. XI, 325.

Во-первых, ощущается явная ориентация «Отрывков...» на пронизательность читателя-современника. Так, В. Э. Вацуро отметил большое различие восприятия цикла во времени: «Современники легко разгадывали намеки, где нужно — подставляли имена. Потом споры забылись, люди умерли, имена исчезли. «Мысли» окутались легким холодком академического бесстрастия. Неискушенный читатель, не привыкший заглядывать в комментарий, быть может, пробежит иной из афоризмов со снисхождением, как неудачную, но простительную шутку гения».¹⁰

Таким образом, налицо злободневность ряда высказываний, таких как: «Путешественник Ансело говорит...», «Появление «Истории государства Российского»...» и др.; следы журнальных полемик: «Милостивый государь! Вы не знаете правописания...», «Мне пришла в голову мысль...»; отзвуки литературных и общественно-политических споров: «Tous les genres sont bons...», «Сказано: Les sociétés secrètes...» и др.

Во-вторых, в «Отрывках...» присутствует ряд литературно-критических и теоретико-литературных высказываний, в которых нашли отражение новые эстетические взгляды Пушкина, новые требования, с которыми он теперь подходит к литературе: реализм, свобода творчества, не скованная никакими ограничениями, будь то требование «дамской» утонченной литературы или высоких жанров в поэзии. При этом важно напомнить, что литературно-эстетическая проблематика, отличаясь особым многообразием, явно преобладает в «Отрывках...».

В-третьих, в жанровом отношении предпочтение отдается заметке и замечанию. Из 34-х текстов цикла — 17 заметок и замечаний и лишь 8 афоризмов. Такое преобладание нехарактерных, пограничных жанров афористики ведет к разрушению ее специфики и все более приближает к «суровой прозе». Заметка и замечание строятся как свободные высказывания. В отличие от афоризма, им не присущи метафоричность, лексическая контрастность. Если афоризм убеждает не столько доказывая, сколько поражая силой изощренной неожиданности, то в замечании на первый план выдвигается глубина мысли, логика и наблюдательность, точность формы. Здесь важно отсеять все лишнее, случайное, облечь

¹⁰ Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины», с. 37.

мысль в точную и ясную форму. Важно не «как сказать», а «что сказать», не абстрагироваться от действительности, а откликнуться на нее, сформулировать и осмыслить свое отношение к происходящему. В этом смысле «Отрывки...» стали для Пушкина творческой лабораторией «суровой прозы», в данном случае критической, полемической и публицистической.

К малым жанрам Пушкин обращался в своем творчестве не раз, но опубликовал только «Отрывки из писем, мысли и замечания». Вероятно, к концу 1820-х годов, когда активно шел поиск новых форм, в частности, прозаических, и появилась настоятельная потребность сказать свое слово по ряду актуальных вопросов, малые жанры оказались для Пушкина удобны своей краткостью и широтой охвата различных тем. Следует также иметь в виду, что в условиях действия «чугунного» цензурного устава писать на публицистические темы в традиционных публицистических формах было практически невозможно. А мысль, афоризм, замечание, на первый взгляд, не несли политически актуального содержания, оставляя, однако, большой простор для додумывания и требуя активности читателя. Специфика малых форм не позволяет им стать равнозначными по информативной ценности, обстоятельности изложения публицистической статье или литературной рецензии, они для этого тесны. Однако, не заменяя больших жанров, малые жанры могут прекрасно сформулировать тему, осмыслить определенное явление, акцентировать внимание на отдельных деталях.

Малые формы прозы Пушкина конца 1820-х годов с полным основанием можно считать лабораторией его творчества в широком смысле слова. Думается, что афористика не существует у Пушкина сама по себе и для себя. Ее истинное место и значение может быть выяснено в контексте творчества Пушкина — прозаика, критика, публициста.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПУШКИН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник научных трудов

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ

РИГА 1986